

Леонид УТЕСОВ

# МОЯ ОДЕССА

БОЛЬШЕ столетия народный артист РСФСР Леонид Осипович Утесов отдал сцене, выступая в самых разнообразных видах и жанрах театра, эстрады, музыки.

Острый взгляд, блестящая память, богатейший жизненный опыт и желание испытать свои силы на ниве литературы привели Леонида Утесова к письменному столу. Начал он, как это часто бывает, с заветной тетради, в которую записывал свои стихи. Потом пришло время прозы.

Публикуемые миниатюры о дореволюционной Одессе и о встречах с одесситами в годы Великой Отечественной войны (из большого цикла «Моя Одесса») — первые плоды в этой новой для Утесова области творчества.

В процессе работы с журналом «Москва», где «Моя Одесса» будет опубликована полностью, автор нашел в своем архиве интереснейший документ.

В 1939 году в издательстве «Искусство» вышла книга Леонида Утесова «Записки антера». Предисловие к ней написал земляк Утесова и его большой друг И. Бабель. Перед самым выходом книги предисловие было изъято в связи с арестом Бабеля.

Мы полагаем, что нашим читателям будет необычайно интересно ознакомиться с миниатюрами Л. Утесова, и с предисловием И. Бабеля, этим нигде ранее не опубликованным добрым словом замечательного писателя.

## ОТ АВТОРА

**Л**ЮДИ ЛЮБЯТ МЕЧТАТЬ. Самые большие мечтатели — самые маленькие люди, дети...

Я тоже мечтал, когда был маленьким. Я мечтал скорее быть взрослым, и мне казалось, что время идет слишком медленно.

Я с волнением ждал 9 марта — день моего рождения. Он приближался мучительно долго, но, наконец, все-таки наступал.

Я торопил время. Я хотел быть старше. Я мечтал, я мечтал о школе. Школа — красивая фуражка с чудесным гербом. Школа — это пояс с бляхой. Школа — это ученический билет, удостоверение «взрослости».

Наконец свершалась мечта, и я снова торопил время. «Скорей, скорей, — мечтал я. — Скорей окончилось бы ученье». Я так торопился покинуть школу, что так и не окончил ее.

Мне было 16 лет, и на меня смотрели все с высоты своего возраста. Я плакал от обиды. Часами просиживал я перед зеркалом, сжимая пальцами естественные складки лица.

«Морщины, морщины, придите скорее», — молил я. Но они не торопились. Они просто издевались надо мной.

А потом... потом все было, как в немом фильме, который прокручивают на современной аппаратуре. Люди не ходят — они бегут, торопятся, мчатся. Так мчался и я. Цирковой балаган, театр миниатюр, эстрада, театр во всех его жанрах (кроме оперы), наконец, музыка...

Пришел возраст... а я вновь мечтаю. Мечтаю о чем-то другом, новом, для меня необычном.

В юности люди выбирают себе профессию. По этой дороге они шагают, но вдруг начинают замечать, что их тянет куда-то в сторону. Здесь как будто немного спокойней, можно отдохнуть от суеты и напряженного движения по своей центральной магистрали, отдохнуть и снова вернуться на свою дорогу...

Я стал мечтать о дорожке, на которой мог бы отдохнуть.

Бывало, еду я с шофером и слышу: «Очень тяжелая наша работа. Целый день нервное напряжение. Того и гляди, кого-нибудь стукнешь, либо тебя стукнут. Вот и выходной — красота. Приду в клуб песни петь — я в самодельности — и отдыхаю».

А я сижу с ним рядом и думаю: «Очень нервная моя работа. Публика, критика, вкусы. И, казалось бы, пора привалить, ан нет. А вот сажусь за руль машины — и все как рукой снимает. Веду машину и отдыхаю. Самодельность!».

Знаю ученых-академиков, которые целый выходной день с лопатой копаются в саду. Великий Шалалин рисовал, лепил. Замечательный актер Остужев занимался токарным ремеслом. Примеров таких можно привести сколько угодно.

Так вот, со мной случилось то же самое. Много лет я был самодельным шофером, и это меня увлекало.

Сейчас настала пора раздумий. Много видел, многое помню, о многом мечтаю рассказать. Рука тянется к перу, когда отдыхаю. Писатель, когда пишет, работает, это его основная профессия. Я, когда пишу, отдыхаю. Это моя, как говорится, вторая профессия. Так и принимайте и не требуйте жалобной книги.

**У**ТЕСОВ столько же актер, сколько пропагандист. Пропагандирует он неутомимую и простодушную любовь к жизни, веселье, доброту, лукавство человека легкой души, охваченного жаждой веселости и познания. При этом — музыкальность, певучесть, нежные наши сердца, при этом — ритм дьявольский, непогрешимый, негританский, магнетический; нападение на зрителя яростное, радостное, подчиненное лихорадочному, но точному ритму.

Двадцать пять лет исповедует Утесов свою оптимистическую, гуманистическую религию, пользуясь всеми средствами и видами актерского искусства — комедией и джазом, трагедией и опереттой, песней и рассказом. Но и до сих пор его лучшая, ему «присужденная» форма не найдена, и поиски продолжаются, поиски все более напряженные.

Революция открыла Утесову важность богатства, которым он обладает, великую серьезность легкомысленного его искусства, народность и заразительность его певучей души. Тайна утесовского успеха — успеха непосредственного, любовного, легендарного — лежит в том, что советский наш зритель находит черты народности в образе, созданном Утесовым, черты родственного ему мироощущения, выраженного заигмательно, щедро, певуче. Так, летящий от Утесова, возвращается к нему удивительный жаждой и требовательностью советского зрителя. То, что он возбудил эту жажду, налагает на Утесова ответственность, размеров которой он, может быть, и сам не сознает. Мы предчувствуем высоты, которых он может достигнуть: тиранья вкуса должна царить на них. Сценическое создание Утесова — великолепный, этот заряженный электричеством парень и ослепительный жизнью, всегда готовый к движению сердца и бурной борьбе со злом, — может стать образом, народным спутником, радующим людей. Для этого содержание утесовского творчества должно подняться до высоты удивительного его дарования.

И, БАБЕЛЬ

тории пьяных и полупьяных посетителей сада «Общества трезвости».

Если то, что он делает, нравится, его вызывают на бис. Стоит дикий крик: «Да-а-вай». Если не нравится — не менее дикий: «В б-у-д-ку».

Был случай, когда на сцену вышел хорошо одетый, с напомаженной головой и усиками колючком молодой человек.

После первого куплета раздался единодушный крик: «В б-у-д-ку».

Молодой человек поднял руку, крик прекратился, и он презрительно бросил в публику:

— Жлобы, что вы кричите? Мне это надо — петь куплеты? У меня своя мастерская. Жлобы. Ну так я не артист.

Зал смолк и с уважением проводил несостоявшегося гения.

Вы можете мне верить или не верить. Но я родился в Одессе. Хвастать имеет право каждый, но я говорю правду.

**Г**РАДОНАЧАЛЬНИК Родиться в Одессе хотел бы всякий, а удаётся это немногим. Во-первых, нужно, чтобы ваши родители были одесситы или в крайнем случае жили там хотя бы за неделю до вашего рождения. Не всякие родители могут себе это позволить. Слишком много людей на белом свете — что-то вроде двух миллиардов, а в Одессе всего триста тысяч. Это тоже немало, но все-таки... Рядом с нами Херсон, Николаев, но мы на них смотрим сверху вниз. Одесса — Херсонской губернии, но это, конечно, анекдот. Подумаешь, Херсон! Весь Херсон не больше одесской Молдаванки. Одесса — Херсонской губернии. Можно умереть со смеху.

Губернатор живет в Херсоне. Ей-богу, мне его даже жалко. С таким мундиром, с такими эполетами забраться в такую глушь!

Куда смотрит Николай? Не думайте, что Одесса так-таки и согласилась с этим абсурдом.

Она — Одесса, и она — градоначальство.

Одесский градоначальник — это вам не гусь начал. Одесский градоначальник чихать хотел на херсонского губернатора. Он такой генерал, что на него даже смотреть трудно, как на солнце. Он сверкает, он весь шит золотом. Когда он проезжает в экипаже по городу, благообразные котелки и шляпы замирают в трепетном волнении, но зато кепки и студенческие фуражки посылают в его сторону взгляды, от которых сиденье его экипажа делается узковатым. Ах, эти кепки, эти фуражки, никакого покоя от них!

Градоначальник в тревожные времена готов поместиться даже в херсонском губернатором.

Что ему в Херсоне, этому выскочке? Тишь, гладь и божья благодать. А здесь — одно беспокойство. Университет, фабрики, заводы, студенты, рабочие, забастовки. Ужас! Надо быть просто сумасшедшим, чтобы взяться за такую работу, как быть одесским градоначальником, да еще в такое время.

## ЛУЧШИЙ ГОРОД В МИРЕ

Как хотите, можете со мной делать что угодно, а я все равно буду кричать: «Одесса — лучший город в мире!»

Вы скажете: «Подумаешь, какой одесский Галилей нашелся». А я все равно кричу: «Одесса — лучший город в мире!»

У каждого хорошего города должно быть свое лицо. Если у города нет своего лица — это не город. А знаете, как можно определить, есть ли у города свое лицо?

Не знаете? Так я вам скажу.

Вы приехали в город впервые, а вам кажется, что вы уже здесь бывали, — значит у города нет своего лица, он похож на многие другие. Я мог бы вам назвать такие города, но не стоит — жители обидятся. Они любят свой город независимо от его облика. Разве можно не любить мать за то, что она не красавица?! Мать любят за то, что она мать. Город — за то, что в нем прошла прекрасная пора детства и юности. Если бы Одесса была не самым ЛУЧШИМ городом в мире, разве я не любил бы ее? Конечно, любил. Может быть, все-таки немножечко меньше, но любил. А так как она все-таки самый лучший город и т. д., то сами понимаете...

## ОДЕССИТЫ

Я не знаю, кто виноват. Солнце, море, небо, но под этим солнцем, у этого моря, под этим небом рождаются особые люди.

Может быть, виноват Пушкин. Может быть, это он оставил в Одессе поэтические флюиды. Но обратите внимание: Юрий Олеся, Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров, Эдуард Багрицкий, Семен Кирсанов, Исаак Бабель — все это одесские мальчишки, создавшие «одесскую струю» в советской литературе.

Среди них затесались и девочки — Вера Инбер, Зинаида Шишова.

Ах, эти одесские мальчишки! Они не ходят, они бегут. Они не говорят, они поют. Их темперамент, их музыкальность, их поэтические сердца могут накормить весь мир искусством.

Эти мальчишки понесли славу нашего искусства далеко за моря-океаны, оплодотворяя чужие чахлые сады прелестными цветами одесского гения.

## ТЕАТР

Если вы хотите знать, что такое патриотизм, поговорите на эту тему с одесситом.

Житель любого города, желая подчеркнуть его красоту, скажет: «Наша Рига — маленький Париж», или «Наша Варшава — маленький Париж», «Наш Бухарест — маленький Париж».

Не знаю почему, но всегда сравнивают с Парижем.

Если вы скажете одесситу: «Одесса — это маленький Париж», — он смерит вас с головы до ног и с презрением ответит: «Одесса — маленький Париж? Париж должен у Одессы ботинки чистить. Одесса — это О-де-сса, и за весь Париж я не отдам даже один наш городской театр».

Я не знаю, может ли состояться этот обмен, но театр действительно великолепный. Вы можете смотреть на него снаружи, и это уже удовольствие. Что же касается «внутри», то здесь столько прекрасного, что словами не выразить. Опера. И какая! Итальянская!

Одесситы воспитаны на итальянской опере. Они знают многие оперы наизусть. В театре люди сидят с клавирами и даже с партитурами. Они следят за всем: за оркестром, за певцами. Их не обманешь. Они трепетно ждут теноровое *до*, баритонное *соль*. Они настоящие ценители музыки.

«Если певец прошел в Одессе, он может ехать куда угодно», — гордо заявляют они. Даже миланская «Ля-Скала» для них не указ. «Одесса — пробирная палата для певца».

— Вы слышали, как вчера Батистини выдал Риголетто?

— Нет, не слышал.

— Так вам нечего делать в Одессе, можете ехать в Херсон.

— Зачем мне ехать в Херсон? Но такой разговор ведется для того, чтобы сбить цену артисту, которого он нанимает.

Получить дебют у Борисова ничего не стоит. Не надо быть артистом. Можно выступить первый раз в жизни. Нужно только прийти к господину Борисову и сказать:

— Господин Борисов, я хочу сегодня выступить в программе.

— Пожалуйста, дирекцион (ноты) у тебя есть?

— Есть.

— Миша! А ну, порепетируй с этим пацаном. Вечером он пойдет четвертым номером.

Вечером дебютант выходит на сцену и в меру своих сил старается доставить удовольствие скромной ауди-

